

ГРАНДИОЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!
БОЛЬШОЙ ВЫХОДЪ АРТИСТОВЪ!

ФОРТУНА

ТОЛЬКО ДЛЯ ПОЧТЕННѢЙШЕЙ ПУБЛИКИ!

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Елисеев

Фортуна

«Автор»

2026

Елисеев А.

Фортуна / А. Елисеев — «Автор», 2026

Дима бросает дом, сурового отца и душную кузницу ради бродячего шапито. Теперь он жонглирует, ходит по канату и без памяти влюбляется в прекрасную наездницу. Но за ярким блеском рампы скрывается холодный мрак. По ночам артисты шёпотом молятся загадочной Госпоже Удаче, а в каждом новом городе, куда приезжает труппа, бесследно исчезают молодые девушки. Дмитрий отчаянно пытается не замечать зловещие совпадения. Но цирк всё равно заставит его открыть глаза.

© Елисеев А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Елисеев

Фортуна

Глава 1

Мать торопилась, чтобы успеть напоить мужа и сына тёплым парным молоком. Тишину двора разрывал тяжёлый стук кузнечного молота, а куры в соседнем сарае то и дело затихали в момент ударов. Митя подавал отцу раскалённый металл из печи, а тот привычно ковал то, что требовали деревенские. Грязные руки парня с трудом держали тяжёлые клещи, которыми он доставал из огня очередную заготовку. В жаркую летнюю погоду находиться рядом с горном было невыносимо. Волосы насквозь пропитались потом и гарью, а холщовую рубаху, висевшую на нём мешком, можно было отжимать. Портки слегка спадали с худого тела, поэтому он то и дело поправлял кожаный ремень. Алексей, отец Димы, молча и тяжело вздыхал, разглядывая парня. В их кузнечной династии все были крупными и крепкими, а Димка уродился сухим и длинным, как колосок пшеницы. Но он любил сына, по-своему. Пусть всегда и был с ним строг, он оставался справедлив и честен.

Жизнь в Воронежской губернии в последние годы была не самой лёгкой. Последствия жестокого голода, накрывшего край несколько лет назад, ощущались до сих пор. Но кузнецам жилось проще: они обслуживали всю округу и получали за работу продовольствие. Отец злился, что сын вечно летает в облаках, не понимая, что в будущем ему придётся кормить семью тем же ремеслом, которым промышляли его деды и прадеды. Митя был единственным сыном, остальные — младшие сёстры. Старшей не стало пару лет назад: ушла со двора и пропала без вести.

— Митюш, возьми покушать, — окликнула Мария сына.

— Матушка, поставь, не видишь? Работаем! — ответил Митя.

Улыбнувшись, мать поставила на рабочий стол хлеб с молоком и побежала обратно в дом по своим делам.

Мария была обычной крестьянской женщиной с добрым, покладистым характером. Она безумно любила детей, особенно единственного сына, и несколько раз пыталась перечить мужу, когда тот несправедливо высказывался против парня. Как-то раз Алексей рассорился с сыном и хотел отправить его в армию, но в призывном присутствии отказали: он единственный сын у кузнеца, кто же будет помогать старику шесть лет, пока парень служит.

Отложив молот и клещи, отец с сыном уселись возле рабочего стола и начали трапезничать.

— Митька, ну ты понял, как я заклепки делаю для седел?

— Да вижу я бать, вижу! — наотмашь ответил Митя.

Отец достал из верхнего кармашка своего рабочего фартука короткую глиняную люльку, потемневшую от гари, а из маленького футляра насыпал махорки, да доверху. Подошёл к печке и подкурил от уголька. Митя пошарил по сторонам, достал из верстака клочок старой газеты, ловко свернул козью ножку и насыпал туда табака из отцовской коробки. Достал уголёк и так же прикурил. Они сидели и смотрели друг на друга, пока сизый едкий дым заполнял мастерскую. Димка плевался иногда, потому что махорка часто попадала в рот. Батя то и дело прищуривался на сына, ухмыляясь в усы.

— Ничего ты не видишь, только что и делаешь, о своем мечтаешь! Тьфу ты!

Алексей с досадой выпустил через нос густую струю дыма. И продолжил:

— Балбес ты у меня Димка! Ну ничего, настанет время ты возьмешь все в свои руки и поймешь, то о чем я тебе толдычу все это время.

Сын посмотрел на отца с непониманием и увёл взгляд, смотря на луг, который расстился вдоль их окраины.

Время близилось к вечеру, отец с сыном в мастерской медленно заканчивали свою работу, а матушка возилась с маленькими детьми дома и готовила ужин. Вдруг у калитки двора остановилась повозка. Старый дед слез на землю и, бубня себе под нос, направился к дому.

— Хозяева! Хозяева дома?

— Тут мы, чего раскричался, Анатолий! Чего тебя завернуло в нашу сторону в столь поздний час?

— Ехать мне в Анненскую слободу надо, а туда, сам знаешь, не ближний свет!

— Ну а мы-то чего тебе?

— Да колесо у меня, Лёшка, на повозке ходуном ходит. Дерево усохло, шина совсем слетает. Перетянуть обруч надо, осадить бы по-новому, а то до слободы не доеду.

— А, понял тебя, дед Анатолий. Дело долгое. Загоняй повозку во двор, сейчас угли в горне раздуем.

Старик поклонился. Из дома выскочила Мария, тревожно вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

— Дед Анатолий, здравствуй! Ты чего так поздно?

— Колесо починить надо, Мария Семёна! Добрый вечер! — обернулся старик на Марию.

— Может, ты отведаешь ужина? Или хоть молока попьешь?

— Нет, да что ты! Есть не хочу, жара такая. А вот молочка я бы, конечно, не отказался хлебнуть, — неловко ответил Анатолий.

— Сейчас принесу, — ответила Мария и скрылась за дверями дома.

Кузнечное дело было прибыльным, даже такие моменты, как этот, могли принести семье кузнеца от тридцати до пятидесяти копеек. Но так как все были свои, цены, конечно, выходили более скудными, но тоже неплохими. Учитывая, что кузнец и так получал продовольствие на год вперёд от всей деревни за общую работу, мелкие подработки тоже давали неплохие деньги, чтобы баловать иногда свою многодетную семью. Когда в семье четыре ребёнка, жена и её мать, денег много не бывало. Детей нужно было обуять, одеть, выезжать с ними на ярмарки. Алексей любил баловать жену, покупал ей красивые наряды и хоть иногда вывозил её в уездный город на праздничные гулянья. Но Димка был из тех, кто не особо любил поездки с семьёй. Ему интереснее было взять пару яблок и лазить по деревьям, ловко жонглируя фруктами. Иногда он брал у отца жёсткую верёвку, привязывал между стволами и ходил по ней туда-обратно, пока не утомлялся. А под покровом ночи он доставал из коробки, которая стояла у него под кроватью, большой, потрёпанный временем плакат, на котором крупными красными буквами было написано: “Цирк Олимп”. Он смотрел на него и вспоминал лучшие времена, когда выступал там. Это время было недолгим, но эмоции остались на годы вперёд. Глаза начинали блестеть, а ладони становились немного мокрыми от волнения, стоило представить, как он выходит на манеж и ему аплодирует публика.

Алексей с Митькой долго не ковырялись: они быстро сняли обруч, накалили железо в горне и усадили обратно на колесо. Не давая подгореть дереву, парень окатил его ведром воды. Раздалось оглушительное шипение, и двор мгновенно заволокло густым белым паром, пахнувшим мокрой золой и палёной древесиной. Установив ось, Митя нагнулся, чтобы проверить целостность усадки, но, начав рассматривать обод, он словно оцепенел. Кровь застыла в жилах, а сердце на миг остановилось. Старик уставился на парня и даже перестал пить из кувшина молоко. Резко разогнувшись, Митька побледнел. Алексей посмотрел возмущённым взглядом на сына, но промолчал.

— Лешка, вы с сыном мастера! Спасибо тебе большое! Леш, но просьба к тебе. Можно я копейку тебе завезу после поездки?

— Дед Толь, плюнь ты! Завезешь. Езжай с богом, без происшествий!

Старик поклонился.

— Митька, смотри на батю и учись! Спасибо тебе Мария, за вкусное молоко!

Матушка кивнула старику и забрала кувшин из его морщинистых рук. Дед с трудом забрался на повозку. Дёрнул край соломенной шляпы, крикнул на кобылу и выехал со двора. Отремонтированное колесо теперь катилось ходко и ровно, глухо постукивая по сухой дорожной колее. Закат уже медленно сменялся ночным небом, когда все дела были сделаны.

В доме царила тихая гавань. Одна дочка, Аня, что-то малевала угольком на обрывке старой газеты, валяясь на полу в домашнем сарафане. Старшая, Лиза, расчёсывала младшей Василисе волосы, пока та играла с тряпичной куклой, сидя на стуле. Девочки были послушными и всегда помогали матушке по хозяйству, пока мужчины работали на улице. Батя любил всех дочерей и даже иногда давал слабину, читая им сказки на ночь. Он обучился чтению и письму в армии, поэтому и хотел отправить сына на службу, чтобы тот немного образовался. Но мать настояла, и Митю отдали в церковно-приходскую школу, когда ему было уже восемь. Девочек матушка тоже тихо обучала грамоте, чтобы никто не знал. Иногда Мария тайно выменивала у заезжих коробейников старые буквари за домашние яйца и холсты. А когда книжки видел Алексей, она отмахивалась и говорила, что одолжила у поповских детей. Муж никогда не проверял за женой, он ей искренне доверял.

Соседская семья Гончаровых уже готовила свою Наталью морально выходить замуж за кузнеца сына. Пётр Гончаров с Алексеем давно уже договорились о выгодном союзе их семей. Но как Наталья не желала быть с Митей, так и он не хотел этой женитьбы. Они не видели друг в друге ничего интересного. Митьке было не до семейных уз — он мечтал только о канате под большим шатром и шумной публике.

Пужинав, глава семьи ушёл отдыхать в спальню. Мария укладывала девочек, а Дима лежал в своей мелкой комнатушке на верхнем ярусе кровати и болтал свисшей ногой. Раньше под ним спала старшая сестра Татьяна. Но она как три года назад пропала без вести. Димка не любил вспоминать то время, потому что оно плотно пересеклось с его прощанием с цирком. Безмолвие наполнило дом, и вся семья погрузилась в сон. Глаза Мити медленно сомкнулись, комната наполнилась тихим сопением.

Провалившись в сон, он увидел сестру Таню. Она бежала впереди по выжженному полю, спотыкаясь о сухие кочки. Прямо за ней катилось огромное тележное колесо — то самое, деда Толи, только высотой до небес. Деревянный обод был облеплен засохшим навозом и соломой, а железная шина, которую они перетягивали с батеи, сорвалась, раскалилась докрасна и с треском наматывала на себя пожелтевшую траву. Митя хотел крикнуть сестре, чтобы она свернула в сторону, но рот словно забило сухой кузнечной гарью. Ноги сделались тяжёлыми, как чугунные болванки, сапоги вязли в колее, не давая сделать и шага. Колесо нагоняло Татьяну, заваливаясь набок. Она обернулась, подняв руку вверх, и в этот момент раскалённый железный обруч с ходу переехал её посреди поля. Звук был короткий, словно топором раскололи сырое полено. И сразу всё стихло, только колесо покатилося дальше в сумерки, оставляя на земле чёрный выжженный след. Митя резко подорвался. Сердце колотилось, а на лбу выступил пот. Он заметил, как кулак сжался до боли в костяшках. Он сел на край кровати, свесив ноги. Внутри было что-то такое, что будто с ним уже происходило. Но в груди было так больно и неприятно, словно что-то разбилось внутри. Спрыгнув на пол, он решил выйти покурить, прихватив с собой кусок газеты и щепотку табака из маленькой коробочки, стоявшей на тумбочке. Чтобы половицы сильно не скрипели, он аккуратно ступал на носочках босиком. Выйдя за дверь, он замер, ослеплённый ярким лунным светом, который сразу же захватил всё его внимание. Митя добежал до мастерской, чтобы подкурить от тлеющего в печи уголька, потому что огнива с трутом под рукой не было. Свернув козью ножку и прикурив, он уселся на лавочку под окном дома. Двор кузнеца стоял на самом отшибе деревни. Сразу за калиткой начинался длинный луг, который к лету всегда был наглухо выбит сельским скотом. За лугом расстила-

лась широкая река Дон. Митька часто уходил туда, подальше от кузнечных дел, чтобы проветриться, помечтать о манеже и пожонглировать всем, что под руку попадётся. Отец не уважал увлечение сына. Да что уж тут говорить, он не пришёл ни на одно его выступление в цирке. Парень всегда хотел, чтобы отец гордился его выбором, но, видимо, не в этой жизни. Несмотря на отцовское неодобрение, мечта его не отпускала, и оказаться снова под куполом было для Дмитрия чем-то большим, чем простое желание.

Посидев в ночной тишине, Дима решил всё-таки пойти выспаться, ведь завтра его ждал трудный рабочий день — впрочем, как и все последние годы. Он уже не выносил запах гари, тяжёлый стук молота и яростное шипение остужаемого металла. С тех пор как отец впервые поставил его к горну, парень пожёг себе руки не единожды. Наверное, это было скорее нормой, чем исключением. Но со временем он приноровился, ожогов стало меньше, и движения дошли до автоматизма. Работать с отцом в паре ему нравилось, и парень даже не представлял, как батя до этого справлялся один. Это был адский труд в удушливой жаре. Но в тонкости кузнечного ремесла Дима никогда не вникал, всё это оставалось ему чуждым. Разжечь угли, нагнать температуру кожаными мехами, засунуть заготовку в огненный зев горна и вовремя вытащить её — вот и всё, что он понимал. А до того, что именно выковывает батя, ему не было никакого дела.

Ночь медленно сменилась рассветом, стрёкот сверчков сменился гулом домашней птицы, а луг застилал ватный серый туман, который, казалось, шёл до самого горизонта. Проснувшись, Митя сразу отправился на улицу, чтобы добежать до речки и ополоснуться. По пути он встретил младших сестёр, которые уже шли за ручку от Дона в сторону двора.

— Доброе утро, братушка, — поздоровалась старшая Лиза.

— Доброе, сестрицы, как водичка?

— Хороша! Там отец остался. Ждет тебя.

— Батя? А чего он ждет-то меня? Не уж толь, я что натворил?

Сестра подёрнула плечами и повела младших в дом помогать матушке подавать на стол завтрак. Димке и в голову не приходило, почему отец жжёт его у речки, — он редко пересекался с ним там поутру.

Подойдя к реке, он увидел, как отец стоял по пояс в воде возле деревянного помоста и умывался.

— Бать, доброе утро!

— Доброе, сын, — ответил Алексей.

— Ты чего меня ждешь? — возмущенно спросил Митька.

— Давно, говорю, вместе до воды не доходили, — сказал отец с улыбкой. — Смыть надо вчерашнюю копоть-то. Ну, чего встал, ныряй давай!

Митя стоял и не понимал, чего это отец стал к нему таким тёплым в последнее время. Раньше тот ему выговаривал, часто ругал, но по справедливости. А сейчас — улыбки и забота. Странно всё это, подумал Митя и, разбежавшись с берега и на ходу стаскивая портки, прыгнул голышом в воду.

Батя смотрел на сына как на маленького ребёнка, который любил плескаться в речке и выходил из неё, только когда губы синели. Лицо Алексея расплылось в ещё большей улыбке. Он был искренне рад, что у него есть Димка, но в душе всё равно немного злился за то, что парень вечно остаётся на своей волне и совсем не хочет учиться семейному мастерству. Оттерев вчерашнюю копоть с рук и лица, они вместе вышли из воды и направились к дому через цветущий луг. Небо над головой стояло лазурное, точно глубокое чистое море, на самом дне которого покоилась жемчужина, сиявшая из синевы и озарявшая лучами всё вокруг.

Дома они переоделись и сели за стол. Матушка суетилась у печи, но успела вовремя, прямо к приходу мужчин. Они поели крошки с редькой на белом, лично настоящем, кислом квасе. Мать делала этот квас лучше всех — так, по крайней мере, считал Митя. Это был луч-

ший напиток для лета, который освежал и немного кружил голову. День после завтрака быстро закружился. Отец ушёл в мастерскую, а Димка немного помог матери со скотиной. Живности у них было немного, но сын всегда помогал в таких делах, за что его очень уважал отец. Убрал за птицей, баранами и двумя коровами, Дима пришёл к отцу.

— Сегодня ты мне не нужен. Ступай погуляй. Пошли я тебе дам немного денег, доедь до губернского города, пока ещё рано, купи себе нормальной одежды, и к вечеру как раз вернёшься.

Митька словил второе недоумение за день. Он не понимал, почему у отца так переливается любовь и забота, когда день назад он для него был балбесом и разгильдяем.

— Бать, зачем? Давай я тебе помогу, да и что мне там делать в городе?

— Сегодня мало работы, да и одежды у тебя толковой нет, даже в люди не выйти. Одни портки, да и те уже затёрлись.

Митя пожал плечами, он стоял и не знал, что ответить. Отец скинул рабочий фартук, закурил трубку и пошёл в сторону дома. Остановившись у крыльца, он окликнул сына, пока тот ещё стоял в мастерской в растерянности.

— Вот держи, тебе три рубля. Тебе на дорогу и на одежду.

— Бать, ты чего так много.

— Бери говорю, Мить! Не спорь! — возразил отец.

Митька взял три рубля и пошёл в свою комнату переодеться в те самые единственные выходные потёртые портки и чистую рубаху. Накинув картуз на голову и повесив через плечо холщовую суму, парень убрал туда деньги, прихватив коробку с махоркой, кожаный кисет и небольшой кусок газеты. И направился к выходу. По пути он увидел батю, который улыбался и кивнул ему на прощание.

— С богом, сын мой, хорошей дороги! Ждем тебя с матушкой вечером в новом одеянии! — помахал отец.

Митька кивнул в ответ и направился к деревенской площади, чтобы найти попутную телегу до города.

Мария выбежала из сарая и посмотрела на Алексея.

— Куда ты его отправил?

— Ты же помнишь наш уговор с Гончаровым? Вот я решил отправить его вещей себе хороших взять. Мы же скоро знакомить его будем с их Наташкой.

— Ах ты хитрец у меня, Лёшка, — сказала Мария, шутливо погрозила мужу пальцем и, улыбнувшись, скрылась опять в сарае.